

19 ИЮЛ 1984

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

Встречи для вас

«А самое дорогое — Родина»

Штрихи к портрету народного артиста СССР, депутата Верховного Совета СССР Махмуда Эсамбаева

БОЛЬШОМУ, выдающемуся артисту — шестьдесят. Из них более сорока отдано искусству. Сотни и сотни выступлений, тысячи и тысячи встреч с рабочими, учеными, теми, кто строит дома и ведет суда по морям, кто добывает нефть и сеет хлеб.

Весь мир знает его танец. И, казалось бы, уже сказано о нем все. Но вот он выходит на сцену, большую ли концертную или импровизированную, как это часто бывало, и у вас замирает сердце, потому что каждый раз пе-

ред вами рождается не просто образ, а человек, с его болью и радостью, любовью и ненавистью, с его неукротимой силой духа и нежным, поэтичным сердцем.

Секунда, неуловимый жест, движение — и вот вы уже во власти этого удивительного танцовщика...

«Проходил дождь, и по улицам начинали беготно быstroногие мальчишки в изорванных рубашках. Во дворах мужчины ловко и упрямо закладывали сено и кукурузные стебли, рубили дрова, укрепляли за-

боры. А вечером на темных улицах слышались грустные мелодии, перекликающиеся с четким ритмом барабана, хлопками и восторженными криками людей, захваченных быстрым танцем».

Из книги Р. Нашхосва «Чародей танца».

Когда проснулся в чеченском мальчишке этот талант? Тогда ли, когда отец Алисултан впервые взял его с собой на свадьбу, и он, спрятавшись в уголке, горящими глазами следил за бешеным вихрем лезгинки, запоминая каждое движение танцора? Тогда ли, когда разыгрывал перед своими сверстниками бесчисленные представления, подражая танцу взрослых? А может, тогда, в цирке (какой радостью была для Махмуда та поездка из родного села Старые Атаги в Грозный с отцом), когда он, застыл от изумления, смотрел на сцену, где извивался «человек-змея»? Сейчас уже не скажешь. Можно только поди-

виться недетской настойчивости мальчишки, тайком от отца посещавшего хореографическую школу. Тому, с каким упорством преодолевал он веками узаконенное мнение — мужчина должен быть воином, хлебопашцем, кам-

нетесом, джигитом.

Мать считала синяки и шишки сына и тайком утирала слезы. Она понимала — Махмуда не исправишь. С горным воздухом вошли в него гордость и воля, он уже не свернет. А когда пятнадцатилетнего Махмуда приняли в республиканский ансамбль песни и танца, понял это и отец.

Уже спустя много лет, в 1959 году, когда Махмуд в составе группы артистов советского балета поедет на свои первые гастроли по Латинской Америке, успех придет к нему именно потому, что он сможет увидеть через народный танец страны, где выступали «советские звезды», душу и сердце народа. В Венесуэле им станет искрометный хорпо, разученный за сутки перед выступлением, в Бразилии — огненный макумба, в Колумбии, на Кубе — везде он ищет и находит для себя новые и новые танцы.

Потом он скажет (и эти слова можно поставить эпиграфом к его удивительному творчеству): «Для меня узнать народ — значит узнать его танец, рожденный выдумкой, изобретательностью, воображением, разумом народа».

Какой он, путь к славе и

призванию? Бывает стремительный, бывает долгий. Но никогда не бывает он легким. Махмуду было уже тридцать, когда в Москве на Всесоюзном художественном фестивале он получил звание лауреата. А потом случилось и вовсе чудо — сразу две золотые медали завоевал он на Всемирном фестивале за лучшее исполнение народного танца — из рук Игоря Александровича Мойсеева и другую — из рук Галины Сергеевны Улановой — за победу на конкурсе по классическим и характерным танцам. И все это — в один день. Мало кто знал, как обернулись тогда Эсамбаеву те два напряженнейших выступления подряд.

Как-то на одной из своих многочисленных встреч со зрителями (тогда это были московские речники) Махмуд говорил: «Вот можно сказать: я счастлив. А что значат эти слова? Счастье не лотерейная игра — авось выпадет, авось — нет. Оно тогда только есть, когда добыто через пот и страдание.

И уж если ты сделал все, что в твоих силах, чтобы украсить то место на земле, на котором стоишь, если душою и сердцем с ним связан, тогда только ты счастлив.

Наши отцы, те, кто прошел

Великую Отечественную войну, знали это очень хорошо. Цену счастью знали. Вот у кого учиться...»

Семнадцати лет уехал он на фронт с концертной бригадой Грозненского театра имени Лермонтова. В госпиталях Орджоникидзе, на строительстве оборонительных рубежей под Армавиrom, под Ростовом и Новочеркасском бойцы встречали молодого артиста как самого желанного гостя. Веру в себя вселяло его искусство. И веру в победу над врагом.

МНОГОЕ можно рассказать о Махмуде Эсамбаеве, о его мастерстве, изумительной способности перевоплощаться — и в мудрого индийского бога (танец «Золотой бог Шива»), и в грозного шамана («макумба» — бразильский танец заклинания злых духов), и в страшного тореадора. Можно было бы рассказать и похожую на легенду историю «чудесного исцеления» студента Херсонского культпросветучилища Анатолия Барыгина, который, пережив сильнейшее нервное напряжение на концерте Махмуда (он исполнял тогда макумбу), избавился от многолетнего недуга — немоты. Можно было бы, но не в одном мастерстве дело.

— Дважды приходилось мне выступать за океаном с гастрольями, — рассказывал Махмуд. — И только там, в Америке, я понимал, как много значит в моей жизни Родина. Помню, писал я жене: «Родная моя, вот живу я сейчас в Нью-Йорке, в небоскребе, на семьдесят шестом этаже. Подо мной — только выгляни в окно — лежит и горит огнями город. Да только не трогает это. В сердце одно — скорее вернуться домой. Мне кажется, вернусь и стану целовать кирпичи нашего дома, всем расскажу, что дала мне родная земля».

Со многими людьми встречался он тогда за рубежом. Были среди них и те, кто навсегда лишил себя права называться советским гражданином. Как-то раз его спросили, не привез ли он с собой хотя бы горсть родной земли. И он заметил в глазах того человека слезы. Его ответом был танец.

Народный артист СССР и депутат Верховного Совета СССР — творчество и государственная деятельность. Между этими двумя сторонами жизни Махмуда Эсамбаева нет противоречия. Потому что его внутренним законом всегда было принимать чужие печали и радости, дела и заботы как свои, потому что через всю жизнь пронес он убеждение — никогда не иссякнут силы у того, кто накрепко связан с родной землей. Об этом — его творчество.

М. КУДРЯВЦЕВА.

66